

Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yuri Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Землянки, хижины, дома: заметки о начальном периоде греческой урбанизации Северного Причерноморья

Д. Е. Чистов¹

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду становления античных городов Северного Причерноморья. Дается обзор современного состояния проблемы «периода землянок», предшествующего урбанизации центров Северного Понта. На примере Березанского поселения доказывается наличие такого периода в пространственном освоении ряда центров. Тем не менее его продолжительность на разных памятниках сильно различается. Кроме того, несопоставимы степень изученности архаических слоев и количество раскрытых комплексов типа полуземлянок — это не позволяет безоговорочно экстраполировать картину, очевидную для Березани и Ольвии, на другие памятники региона.

Annotation. The article is devoted to the early period of rise of ancient cities of the Northern Black Sea Coastal Region. There is an overview of modern state of the problem of “dugout period”, which preceded an urbanization of centers of the Northern Pontus. With the example of the Berezan settlement we prove that such period of spatial development of some centers undoubtedly took place. Nevertheless its duration at various sites significantly differs. Besides a level of knowledge of archaic layers and a number of discovered structures of semi-dugout type is not comparable. It does not let unconditionally extrapolate the picture obvious for Berezan and Olbia at other sites of the region.

Ключевые слова: полуземлянки, урбанизация, Березань, Северное Причерноморье, Боспор.

Keywords: semi-dugouts, urbanization, Berezan, Northern Black Sea Coastal Region, Bosphorus.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-111-128

Два десятка лет назад в журнале *Stratum plus* увидела свет статья Ю. А. Виноградова «Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья» (Виноградов, 1999). В этой программной работе, вызвавшей очень широкий отклик, автор наиболее последовательно сформулировал несколько положений, касающихся местных особенностей пространственного развития греческих полисов.

По мнению Ю. А. Виноградова, северо-причерноморские апойки на раннем этапе существования, как правило, не представляли собой городских центров, будучи по своему облику сельскими поселениями. Это обстоятельство вовсе не исключало наличие самоуправляемой гражданской общины и полисный статус части этих поселений с момента их основания (Виноградов, 1999. С. 104–106). По мнению автора, периоду активного формирования городской структуры античных центров Северного Понта обычно предшествовал продолжительный адаптационный период, составлявший около 60–80 лет.

¹ Канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: d.chistov@gmail.com.

Причину такого «отложенного старта» в урбанизации причерноморских колоний Ю. А. Виноградов находит в чрезвычайно низком экономическом и демографическом потенциале коллективов первых переселенцев². Сходная для разных центров продолжительность периода адаптации может, по его мнению, объясняться демографическими закономерностями: естественным взрывным ростом населения во втором-третьем поколении колонистов (Виноградов, 1999. С. 108). Доказательной базой для этих выводов послужили как наиболее хорошо изученные землянки Березани, Ольвии и ее хоры, так и комплексы близкого им облика, раскрытые к 1990-м гг. в ходе исследований ранних горизонтов ряда центров Европейского и Азиатского Боспора.

Наиболее последовательным критиком концепции «периода землянок» и земляночного домостроительства на архаических греческих поселениях Северного Причерноморья выступает В. Д. Кузнецов. Базовые положения его статьи 1995 г. (Кузнецов, 1995) и ее английской версии (Kuznetsov, 1999) многими исследователями были восприняты, в целом, критически (Виноградов, 1999. С. 107; Крыжицкий, Марченко, 2011. С. 33–35; Бутягин, 2001; Буйских С. Б., 2005. С. 6, прим. 1; Tsatskheladze, 2004; Суриков, 2015). Недавно автор выпустил еще одну работу, посвященную той же теме, однако рассмотренной с привлечением новых данных, накопившихся за последние десятилетия (Кузнецов, 2018). Основные тезисы этого исследования можно обобщить следующим образом. Найденные на территории архаических греческих поселений землянки, то есть заглубленные в грунт изолированные сооружения жилого назначения, В. Д. Кузнецов, как и прежде, предлагает считать фейком, научной иллюзией, возникшей вследствие ошибочной интерпретации хозяйственных объектов: зерновых и мусорных

ям и их групп, прорезающих друг друга, — в случае с круглыми землянками, и подвалов наземных построек, если речь идет о прямоугольных. По мнению Кузнецова, сторонники использования первыми поколениями колонистов землянок в качестве жилищ выдвигают на первый план полученные в результате раскопок данные, игнорируя их возможную неполноту и неверную интерпретацию, с одной стороны, и совершенно не учитывая греческий культурный контекст, урбанистические и архитектурные традиции, с другой (Кузнецов, 2018. С. 118–121). Вместе с тем появляющиеся новые находки ранних каменно-сырцовых построек (в особенности в Пантикапее, где недавно было раскрыто однокамерное сооружение первой половины VI в. до н. э.) (Толстиков и др., 2017. С. 14–15, табл. 7, 11) и удревание периода появления первых наземных домов на некоторых памятниках, сокращающее «земляночный» период на несколько десятилетий, приводит к тому, что «гипотеза о „земляночном домостроительстве“ сжимается, как шагреновая кожа» (Кузнецов, 2018. С. 123).

В какой мере эта критика справедлива, а приведенные контраргументы доказательны? Рассмотрим их на примере урбанизированного поселения, на котором ранний, «догородской» горизонт изучен в наилучшей степени. Речь идет о памятнике, благодаря раскопкам которого идея о достаточно продолжительном периоде, предшествующем началу строительства каменно-сырцовых домов средиземноморского типа, в наибольшей степени и сформировалась: о Березанском поселении.

Что же известно о наиболее раннем I периоде существования архаического поселения на Березани? К настоящему времени на острове исследовано уже около 240 полуземлянок конца VII — первой половины VI в. до н. э. и ни одной (!) наземной каменно-сырцовой постройки этого же периода (Чистов, 2017а). Не приходится сомневаться в том, что количество комплексов указанного типа, раскрытых с начала систематических раскопок на Березани в 1960 г., значительно превышает общее число архаических землянок

² Схожим образом ранее объяснял специфику наиболее раннего этапа пространственного освоения Ольвии и Березани С. Д. Крыжицкий (Крыжицкий, 1982. С. 29).

и полуземлянок, исследованных на всех остальных античных урбанизированных памятниках Северного Причерноморья вместе взятых, кроме, пожалуй, Ольвии и ее предместья³. Факт отсутствия каких-либо следов наземных капитальных построек первой половины VI в. до н. э. (или еще более раннего времени) признавался несколькими поколениями исследователей Березани, несмотря на то что их представления о характере раннего поселения и этническом составе его жителей порой существенно различались.

Возможность того, что следы самых ранних наземных построек были полностью уничтожены в результате каких-либо масштабных нивелировочных работ последующих периодов (Кузнецов, 2018. С. 126) сразу следует исключить как полностью противоречащую всей сумме наших знаний о стратиграфии памятника. Городской период на Березани длился сравнительно недолго, порядка 70–80 лет, приблизительно с 540-х гг. до н. э. и до второй четверти V в. до н. э., поэтому архаические остатки лишь на немногих отдельных участках подвергались повреждению в результате строительной активности последующих исторических периодов. Подожвы кладок первых многокамерных каменно-сырцовых домов, построенных в начале третьей четверти VI в. до н. э., нередко находились непосредственно на уровне погребенной почвы или, в ряде случаев, залегали на 10–20 см выше этого уровня⁴. Сама погребенная

³ Здесь и далее в представленной статье рассматриваются исключительно землянки, раскрытые в ранних слоях урбанизированных центров Северного Причерноморья и предшествующие городской застройке.

⁴ Само отсутствие выраженного слоя VII — первой половины VI в. до н. э. уже является аргументом в пользу того, что массовое строительство в это время не велось. В наибольшей степени культурный слой Березанского поселения формировался за счет заплывания сырцовых кладок при разрушении и перестройках городских домов. Мощностные напластования, накопившиеся за вторую половину VI — первую четверть V в. до н. э., в среднем достигает 1,0–1,5 м, однако ничего хоть сколько-нибудь сравнимого для второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. в стратиграфии всех исследованных районов памятника не наблюдается.

почва выглядит как однотонный плотный темно-коричневый суглинок и фактически представляет собой слой дерна того времени, когда на Березань ступили первые греческие колонисты. Она очень четко выделяется на больших раскопанных площадях, будучи потревоженной лишь ямами и полуземлянками первой половины VI в. до н. э. В тех случаях, когда на этом уровне находятся следы легких наземных глиноплетневых построек (ровики, скопления столбовых ямок), они достаточно хорошо читаются. Случаев таких, вместе с тем, пока известно совсем немного, а датировка подобных сооружений обычно вызывает сомнения, поскольку с ними редко когда связан репрезентативный керамический материал. Некоторые из скоплений столбовых ям, выявленных на уровне погребенной почвы, могут быть связаны и с домами второй половины VI в. до н. э.

При исследовании участка «О-Западный» Березанского поселения в 2004–2018 гг. на площади порядка 5000 кв. м обнаружено лишь три объекта, которые можно было бы интерпретировать в качестве глиноплетневых наземных построек, но достоверно восстановить план и объемное решение удалось лишь для одной из них — небольшого (4,50 × 1,95 м) однокамерного строения с двускатной кровлей, одна из стен которого имела форму полукруглой апсиды (Чистов, 2017а. С. 134, рис. 7, 6; С. 140–141, рис. 11).

В ряде случаев в ходе раскопок обнаруживались следы подсыпок, с помощью которых, вероятно, выравнивалась территория перед строительством каменных цоколей стен сооружений третьей четверти VI в. до н. э. Видимо, многие из углублений, возникших на территории массовой городской квартальной застройки за предшествующие полвека (или более), к моменту начала массового строительства были еще хорошо видны. Однако возникает впечатление, что подобные работы производились не повсеместно, наспех и не очень основательно; как результат — кладки и вымостки домов второй половины VI в. до н. э. часто сильно проседали в рыхлое заполнение ранних ям.

Подобная активность не могла уничтожить все следы домов первой половины VI в. до н. э., если бы таковые существовали.

Основным критерием выделения круглых и овальных землянок, помимо их размеров и глубины, является наличие столбовых конструкций, позволяющих предполагать перекрытие шатрового типа. В первую очередь, это ямки от центрального столба, иногда несколько раз переустановившегося. Нередко встречаются также следы от наклонных жердей по краям котлована и глиноплетневой стены по его периметру (Чистов и др., 2012. С. 9–13, ил. 6–7). Разумеется, бывают и спорные случаи, но утверждать, что любые круглые землянки представляют собой группы прорезающих друг друга хозяйственных ям, как это делает В. Д. Кузнецов всего лишь на двух примерах (Кузнецов, 2018. С. 118–119), у нас нет никаких оснований.

Важно заметить, что вся совокупность раскрытых на Березани объектов, которые принято обозначать в качестве «землянок» или «полуземлянок», в действительности не является однородной и принадлежащей единой строительной традиции. Так, в их составе присутствует немногочисленная группа прямоугольных, заглубленных в грунт, изолированных построек второй четверти — середины VI в. до н. э. (Доманский и др., 1989. С. 36; Solovuyov, 1999. Р. 59–63; Соловьёв, 2008; Отрешко, Мазарати, 2009. С. 81–83; Чистов, 2017а. С. 132–136; 2017б. С. 133–137; Чистов, Ильина, 2017. С. 189–190, ил. 11). Они выделяются значительными размерами, деталями интерьера (очаги, печи, внутренние плетневые перегородки) и конструктивными особенностями (наличие глинобитных, сырцовых или глиноплетневых стен по периметру, столбовых конструкций, позволяющих реконструировать односкатную или двускатную безраспорную кровлю), сближающими их с наземными каменно-сырцовыми домами II периода.

Между расположением ряда комплексов данного типа и планировкой городской застройки II периода прослеживается связь: они либо имеют одинаковую ориентацию

с более поздними домами, либо вписываются в квартальную сеть второй половины VI в. до н. э. (Чистов, 2017а. С. 139, рис. 4). Можно предположить, что появление подобных объектов относится к одной, достаточно короткой, фазе, непосредственно предшествовавшей началу массового строительства наземных домов на Березанском поселении. Их жители наверняка были связаны с представителями вскоре последовавшей колонизационной волны начала третьей четверти VI в. до н. э. и уже потому имели определенные представления о границах еще не застроенных кварталов и направлениях улиц. Нельзя исключить и того, что такие сооружения служили временными жилищами колонистам «второй волны» непосредственно после их прибытия. В ходе последующего строительства часть этих построек могла быть снесена и заменена многокамерными домами, другая же часть оказалась включена в систему городской застройки.

Рассматривая возможности ошибочных интерпретаций, следует признать, что за отдельные постройки типа «дома колониста», действительно, могли бы быть приняты полуподвальные помещения домов третьей четверти VI в. до н. э., тем более что эта традиция в домостроительстве архаической Березани (Копейкина, 1981. С. 198–201; Чистов, 2017б. С. 143–146) и Ольвии (Bujskikh, 2017. Р. 10–13) была очень широко распространена⁵. Однако, поскольку «домов колониста» на всех исследованных участках Березани насчитывается пока лишь около десятка, на понимании облика поселения до середины VI в. до н. э. такие методические просчеты, если бы они имели место, существенно сказаться не могут.

Но говорить о прямой преемственности строительной традиции от ранних полуземлянок к заглубленным помещениям наземных домов (Крыжицкий, 1982. С. 26–27; 1993. С. 41–42;

⁵ Полуподвальные помещения многокамерных домов, конечно, имеют ряд отличительных черт. От полуземлянок они отличаются в первую очередь формой, обычно близкой к квадратной, и отсутствием столбовых ям по центральной оси помещения.

Копейкина, 1981. С. 201; *Буйских С. Б.*, 2005. С. 9; *Вуйских*, 2017) оправданно лишь применительно к тем же сооружениям типа «домов колониста». Как отмечалось выше, возможно, они и представляют собой следы начального этапа развертывания городского строительства. При рассмотрении наиболее массовых объектов совсем иного типа — округлых полуземлянок, то есть остатков легких недолговременных конструкций с шатровой крышей, — идея об их постепенной эволюции в полуподвальные помещения многокамерного дома не выглядит убедительной.

Тем большее удивление вызывает тот факт, что жители раннего Березанского поселения, соорудившие такие постройки, были всё же знакомы с греческой строительной традицией. В двух известных нам случаях стенки круглых землянок укреплялись кладкой из сырцовых кирпичей в месте прорезания более раннего котлована, то есть там, где земляная стенка легко осыпалась (*Чистов*, 2017а. С. 129, рис. 2, 2; 3); схожие наблюдения делались и в Ольвии (*Крижицкий, Русяева*, 1978. С. 5–6). Эти примеры позволяют предполагать, что круглые землянки могли быть иногда оформлены невысокой сырцовой стеной по периметру, поскольку вряд ли было бы оправданно формовать кирпичи исключительно для укрепления небольшого участка стенки подобного сооружения⁶.

В отличие от «домов колониста» взаимное расположение полуземлянок округлых форм не коррелируется с уличной сетью второй половины VI в. до н. э. Полуземлянки и связанные с ними хозяйственные ямы образуют скопления (*Solovyov*, 1999. Р. 41; *Чистов*, 2017а. С. 137–138), которые, вероятно, можно отождествлять с отдельными домохозяйствами (*Буйских С. Б.*, 2006; 2007. С. 114). Отдельные комплексы в их составе нередко

прорезают друг друга небольшими секторами, что, с одной стороны, указывает на их неодновременность, с другой — демонстрирует явное стремление хозяев сооружать новые землянки вблизи мест, которые занимали предыдущие. Концентрация таких кластеров ощутимо сокращается по мере продвижения от бухты в северо-восточной части современного острова к его центру (*Чистов*, 2017а. С. 138).

С. Л. Соловьёв, развивая свою концепцию ранней Березани, предполагающую превалирование негреческого субстрата среди ее жителей, исследовал взаимосвязь различий планировки ранних землянок и наличия определенных форм лепной керамики в их заполнении (*Соловьёв*, 1994. С. 88–89, рис. 2–3; *Solovyov*, 1999. Р. 44, 46, fig. 19). Как представляется сейчас, различия в доле лепной керамики в заполнении землянок и сменяющих их наземных домов не столь значительны, чтобы служить указанием на смену этнического состава населения. Постепенное же сокращение доли лепной керамики в позднеархаических слоях, скорее, связано с увеличением объемов импорта на Березань кухонной кружальной посуды (*Чистов и др.*, 2012. С. 37–38, 70–71, 101; *Чистов*, 2017а. С. 139–140). Вместе с тем комплекс находок из заполнения землянок первой половины VI в. до н. э. действительно обладает определенной спецификой, отличающей его от городских слоев второй половины VI — первой трети V в. до н. э. В землянках и ранних ямах очень редко встречаются терракоты, нет находок грузил для ткацкого станка, в малом количестве встречаются фрагменты кухонной кружальной посуды греческих форм. Число памятников письменности в слоях и комплексах I периода заметно уступает объему таких находок из городских слоев последующего времени⁷,

⁶ В ходе недавних исследований предместья Ольвии была изучена округлая полуземлянка, в которой найдена часть такой невысокой сырцовой стены, вероятно, сползшей в заполнение с края котлована. Размеры этих кирпичей близки тем, что использовались при строительстве обычных каменно-сырцовых домов (*Буйских и др.*, 2020. Рис. 1)

⁷ В ходе раскопок 2004–2018 гг. на участке «О-Западный» Березанского поселения в комплексах I периода и предматериковом слое было найдено в общей сложности 80 граффити различной информативности, включая незначительные фрагменты, отдельные знаки и т. п. Суммарное количество таких находок для различных фаз и этапов II периода составляет

однако среди них есть и важные информативные находки⁸.

Таким образом, для Березани продолжительный «земляночный» период является доказанным фактом, лишь всё более подкрепляемым результатами новых исследований. Предполагать наличие в какой-то неисследованной или полностью уничтоженной береговой абразией части поселения компактного участка с наземной застройкой этого времени у нас пока нет оснований. Вместе с тем имеющаяся картина ранней апойкии на Березани, по-прежнему, очень фрагментарна. Несмотря на значительное число исследованных комплексов, мы не можем определенно судить ни о составе ее населения, ни об основных занятиях жителей. Несомненно лишь то, что транзитная торговля (Буйских А. В., 2018. С. 225–228; Марченко, 2005. С. 59–62; Chistov, Pavlichenko, 2019. Р. 273–274) и металлургия (Доманский, Марченко, 2007) играли в экономике этого центра очень существенную роль.

Трудности оценки продолжительности периода, предшествовавшего быстрой урбанизации поселения, в наибольшей степени вызваны неполным соответствием письменных и археологических источников относительно времени его основания⁹. Время возникновения на Березани городской застройки и квартальной уличной сети удалось уточнить благодаря результатам работ последних десятилетий, понизив предполагаемую дату с конца третьей четверти VI в. до н. э. (Соловьёв, 1993. С. 41; Solovyov, 1999. Р. 64) до ее начала (Чистов и др., 2012. С. 41, 72, 120; ср.: Копейкина,

1981. С. 197), однако мы всё еще не имеем комплексов (полуземлянок, хозяйственных ям), находки из заполнения которых достоверно датировались бы ранее конца VII в. до н. э. Тем не менее невозможно отрицать и наличие в слое памятника керамики второй половины VII в. до н. э., включая его третью четверть (Буйских А. В., 2015. С. 244–248; 2019. С. 9 сл.).

А. В. Буйских предлагает снять это противоречие, определяя раннее поселение Борисфена как торговую станцию — эмпорий, функционировавший до рубежа VII–VI в. до н. э., в основном сезонно. Интенсивное развитие жилой и хозяйственной активности на поселении с этого времени совпадает со временем основания Ольвии и Ольвийского полиса (620/610 — 590 гг. до н. э.), актуализированным по совокупности находок ранней восточнореческой керамики (Буйских А. В., 2013. С. 228–230). Несмотря на то что эта позиция может быть подвергнута критике как очередная после С. Л. Соловьёва попытка реанимировать на березанском материале «эмпориальную» теорию (Виноградов, 1999. С. 108), следует признать, что иные объяснения имеющимся данным подыскать сложно. Более того, к известной в историографии конца 1940–1950-х гг. «эмпориальной теории» эта точка зрения отношения не имеет, поскольку в ее основе лежат совершенно иные аргументы.

Следует, правда, заметить, что облик Березанского поселения и позднее — вплоть до конца второй четверти — середины VI в. до н. э. — не дает оснований предполагать наличие многочисленного ядра постоянных жителей. Свидетельства товарного бронзолитейного производства также подкрепляют представление о торгово-сырьевой ориентированности этого форпоста (Марченко, 2005. С. 59–62; Доманский, Марченко, 2007).

Хотя хозяйственная активность в рамках I периода определенно возрастает к его концу, то есть ко второй четверти VI в. до н. э. (Чистов и др., 2019. С. 10), переход от I ко II периоду не выглядит закономерным поступательным развитием в жизни поселения. Как отмечалось ранее,

⁸ Из последних можно отметить граффито с посвящением Гермесу на ионийской чаше из ямы, связанной с группой землянок второй четверти VI в. до н. э. (Chistov, 2019. Р. 103–104, fig. 6.2), и свинцовое письмо, найденное в хозяйственной яме вместе с киликом конца VII — начала VI в. до н. э. (Chistov, Pavlichenko, 2019).

⁹ Признание, что это несоответствие пока не имеет убедительного объяснения, как представляется, нельзя приравнивать к отрицанию важности исторического источника (ср.: Кузнецов, 2018. С. 125–127).

расположение групп наиболее ранних землянок не имеет связи с последующей сетью улиц. После возникновения городской застройки металлургическое производство на ее территории было свернуто¹⁰, хотя возникает производство керамическое (Крутилов, Бондаренко, 2015), вероятно, начатое несколькими мастерами, прибывшими в составе группы «второй волны» колонистов.

Землянки архаического горизонта Ольвии к настоящему времени изданы не полностью. Видимо, на различных участках городища и на территории предградья их к настоящему времени открыто порядка полутора сотен¹¹. Таким образом, по количеству исследованных комплексов этого типа среди городских центров Северного Причерноморья Ольвия занимает второе место. Помимо группы из более чем 30 землянок, исследованной в центральном квартале на участке АГД (Крижицкий, Русяева, 1978; Крыжицкий, 1993. С. 41–42), ранние полуземлянки раскрываются в последние годы в юго-восточной части Верхнего города, на участке Р-25 (Буйских А. В., 2005; Вижских, 2017) и в ольвийском предместье (Форнасье и др., 2017). Типы округлых и прямоугольных полуземлянок Березани и Ольвии очень близки по размерам и особенностям планировки. Размещение полуземлянок прямоугольного плана цепочкой вдоль Главной продольной улицы Ольвии определенно можно сопоставлять с «домами колониста» на Березани, расположение которых также демонстрирует связь с направлениями уличной сети. Находки керамики второй половины VI в. до н. э. в заполнении ольвийских комплексов (Крижицкий,

Русяева, 1978. С. 8–11, рис. 5–6) позволяют предполагать, что переход к массовому наземному домостроительству в Ольвии произошёл несколькими десятилетиями позже, чем в Борисфене, однако ранее конца VI в. до н. э. (Вижских, 2015. Р. 246–248; 2017. Р. 8).

Сходная ситуация выявлена при раскопках Никония, где позднеархаические прямоугольные полуземлянки с сырцовыми кладками по периметру (единственный тип жилища на памятнике до середины V в. до н. э.) располагались в определенном порядке, в котором можно усмотреть признаки градостроительной регламентации (Секерская, 2013. С. 516–517).

Если на Ольвию вполне допустимо экстраполировать картину, полученную в ходе исследования «догородского» периода существования Березанского поселения, то в отношении Боспора Киммерийского мы имеем более фрагментарную и не столь однозначную информацию. Представления о раннем периоде существования Пантикапея за последние годы претерпели значительные изменения. В ходе раскопок на Западном плато г. Митридат было раскрыто семь круглых землянок диаметром 2,8–3,0 м и глубиной до 1,4 м, при этом некоторые были связаны с металлургическим производством. В заполнении одной из них находились сырцовые кирпичи, возможно, принадлежавшие обрушившейся стенке, оформлявшей эту постройку по периметру (Толстиков и др., 2003. С. 259–260). Эти сооружения отнесены ко II периоду в хронологии памятника и датируются в рамках 540–510-х гг. до н. э. В соответствии с новыми данными они не предшествуют первым каменно-сырцовым постройкам на акрополе, а синхронны им и могли представлять собой временные, может быть сезонные, сооружения хозяйственного и производственного назначения, возникавшие на территории, прилегавшей к первоначальному ядру апойкии (Толстиков и др., 2017. С. 17–20). Непродолжительное возвращение к практике сооружения землянок наблюдается также на рубеже второй-третьей четвертей V в. до н. э. К этому времени

¹⁰ Речь идет о следах производства по выплавке меди (Доманский, Марченко, 2007) и производству железа (Лапин, 1961. С. 46–47; Чистов и др., 2012. С. 17–18, прим. 1 на с. 18) в комплексах I периода. Вместе с тем известна постройка второй половины VI в. до н. э., интерпретированная в качестве кузницы (Крутилов, 2007).

¹¹ Эта цифра дана по приблизительной оценке А. В. Буйских, сделанной в частной переписке; в том числе на участке Р-25 — около 30, включая разрушенные и частично раскрытые комплексы. Благодарю Аллу Валерьевну за консультацию по этому вопросу.

относятся остатки двух прямоугольных землянок значительных размеров — 25–28 кв. м (Толстиков и др., 2017. С. 41).

Объем данных о раннем периоде существования Нимфея пока слишком мал для того, чтобы судить о наличии особого, начального периода земляночной застройки, предшествовавшего строительству первых каменно-сырцовых домов. Интерпретация ранних ям и их скоплений, раскрытых в конце 1940-х гг. в восточной мысовой части городища в качестве жилищ-землянок автохтонного «скифского» населения (Скуднева, 1954. С. 306–311; Худяк, 1962. С. 12–16), была подвергнута обоснованной критике (Butjagin, 1998. P. 61, fn.10). Несмотря на это, идея раннего догреческого поселка получила развитие в работах С. Н. Сенаторова (Сенаторов, 1999; 2000), а также на материалах раскопок участка «Г» 1983–1990 гг., где исследовались две землянки середины — третьей четверти VI в. до н. э.

Надо заметить, что оба эти комплекса раскрыты лишь частями. Кладки построек последующих периодов и многочисленные прорезающие их хозяйственные ямы не позволяют реконструировать их форму и объемное решение. Ясно одно: это были котлованы довольно значительных размеров, определенно не круглые в плане. В их границах выявлено много деталей интерьера — промазки полов, столбовые ямки, следы глиноплетневой стены (?), очаги, глиняная прямоугольная платформа типа «столик» и т. п. (Butjagin, 1998. P. 61–66). Хотя в заполнении этих котлованов присутствует аномально высокий процент фрагментов лепных сосудов (до 30 %), большая часть находок всё же относится к амфорной таре, столовой восточногреческой и аттической керамике (в составе находок присутствуют даже фрагменты терракот), поэтому не следует сомневаться в том, что речь идет о комплексах, возникших уже после основания греческого поселения.

В архаическом горизонте Мирмекии полуземлянки к настоящему времени представлены 10 комплексами. Восемь из них были исследованы в западной части памятника,

неподалеку от укрепленной скалы акрополя (Виноградов, 1991. С. 1994; Butjagin, 2007. P. 23, fig. 1). Они датируются второй половиной VI в. до н. э.; большая часть (пять) котлованов имела подпрямоугольную форму, причем в трех из них, относящихся к последней четверти VI в. до н. э., по периметру стенок выявлены остатки каменных кладок. Одна из круглых полуземлянок имела слишком малый диаметр — всего 2 м (Виноградов, 1992. С. 102–103, рис. 2, 1), поэтому сомнения в том, что она является таковой (Кузнецов, 1995. С. 102), не лишены оснований. По мнению А. М. Бутягина, ко времени ранее середины VI в. до н. э. в Мирмекии можно пока отнести лишь три небольшие ямы, раскрытые вблизи скалы на Карантинном мысу. Вероятно, в это же время начала функционировать одна из землянок, вписанная в расщелину скалы (Бутягин, 2017. С. 91–92).

Еще две полуземлянки и группа связанных с ними хозяйственных ям раскрыты в восточном районе Мирмекии, на участке «И». Исследователи склонны датировать их в рамках второй половины VI в. до н. э. Судя по описаниям, одна имела округлую, а другая — прямоугольную со скругленными углами форму (Милихина, 2019. С. 378–379). Впрочем, отсутствие в имеющейся публикации планов и фотографий не позволяет прояснить детали их устройства, как и оценить предположение о наличии в этой части Мирмекии групп землянок и хозяйственных ям (Милихина, 2019. С. 379–380). Обе землянки раскрыты лишь частями, однако выявлены детали их интерьера — вырезанные в материке «ступени» и столбовые ямки; следы очагов не зафиксированы.

Появление в Мирмекии квартальной застройки городского облика относится к рубежу VI–V вв. до н. э. (Виноградов, 1992. С. 105–106; Бутягин, 2004. С. 127; Бутягин, Чистов, 2015. С. 30–32), поэтому максимальный временной интервал от появления первых землянок до возникновения сети кварталов можно оценить в 50–70 лет.

Несмотря на очевидную фрагментарность сведений о наиболее ранних строительных горизонтах, в Мирмекии они изучены довольно

хорошо в сравнении с другими памятниками Европейского Боспора. Пожалуй, самым важным результатом является обнаружение комплексов типа землянок второй половины VI в. до н. э. в двух различных частях городища, удаленных друг от друга приблизительно на 200 м. Следовательно, мы имеем дело не с локальным явлением, обусловленным спецификой определенного района поселения.

Самые ранние комплексы архаической Тиритаки исследованы на раскопе XXVI, где были раскрыты три компактно расположенные землянки — две овальной формы и одна прямоугольная (Зинько, 2014. С. 22–36, 37, рис. 27). Время их функционирования определяется автором раскопок в пределах второй трети VI в. до н. э., то есть до начала около 530 г. до н. э. массового строительства на той же территории объединенных в квартал каменно-сырцовых домов. Таким образом, продолжительность «земляночного периода» для Тиритаки оценивается в 30–35 лет (Зинько, 2014. С. 292, 297–298). Овальные землянки имеют максимальный диаметр 3,12 и 3,25 м, глубину — 0,86 и 1,61 м соответственно. В обеих¹² выявлены столбовые ямки, указывающие на наличие перекрытия. Землянка № 3 была сильно повреждена более поздними хозяйственными ямами. Она представляла собой котлован размерами 4,3 × 2,4 м, врезанный в материк на 0,73 м; столбовые ямки зафиксированы лишь в ее южной части (Зинько, 2014. С. 32, рис. 22).

Раскопки Фанагории не дали примеров землянок, предшествующих первым сырцовым домам третьей четверти VI в. до н. э. Скорее всего, это обусловлено обстоятельствами заселения этого города колонистами из Теоса или теосцами из Абдер около 540 г. до н. э. (Кузнецов, 2010; 2019. С. 396–401). Единовременное прибытие достаточно большой группы переселенцев, бывших частью одной гражданской общины и сплотившихся

вокруг давшего свое имя городу ойкиста, обеспечило значительный демографический потенциал новой апойки (Завойкин, Толстиков, 2017. С. 51). Вследствие этого новое поселение с момента его основания развивалось как город. Строительство первых архаических домов в Фанагории по времени совпадает с урбанизацией Березани; облик этих центров и процесс сложения их городской структуры в третьей четверти VI в. до н. э., надо полагать, были довольно сходными.

Вместе с тем в Фанагории известны две очень небольшие прямоугольные полуземлянки, по мнению В. С. Долгорукова, недолгое время служившие «временками» после разрушения первых домов в пожаре последней четверти VI в. до н. э.¹³ (Завойкин, 2009. С. 188, прим. 38; Долгоруков, 1984. С. 77, табл. 38, IV). Закономерен вопрос: если такие заглубленные постройки действительно использовались в архаической Фанагории в качестве недолговременных жилищ после пожаров, почему несколькими десятилетиями ранее подобные хижинки не сооружали в качестве первого жилья прибывших колонистов? В этой связи интересен пример небольшого (12,5 кв. м) однокамерного дома № 6, помещение которого было заглублено в грунт на 0,6–0,7 м. Он, правда, возводится не в 540-х гг. до н. э., а после упомянутых выше землянок (Завойкин, 2009. С. 188) и погибает в пожаре конца VI в. до н. э. Объемная реконструкция, предложенная В. Д. Кузнецовым (Кузнецов, 2001. С. 9–11, рис. 2) представляет «полуторатажную» постройку с отдельными входами в полуподвальный и надстроенный над ним первый этаж. Наличие второго этажа в этом случае обосновывается расчетами количества сырцовых кирпичей, эквивалентного объему глинистой массы в заполнении помещения (Кузнецов, 1995. С. 112). Этот расчет не кажется нам корректным — как по той причине, что к глине заплывших сырцовых кирпичей

¹² В том числе и землянке № 2, что была подвергнута сомнению В. Д. Кузнецовым по фото из-за наличия в ее полу округлого углубления диаметром 1,98 м (Зинько, 2014. С. 29, 31, рис. 19–20).

¹³ Примечательно, что на Березани также фиксируется кратковременный возврат к практике сооружения землянок после пожаров последней четверти VI в. до н. э. (Чистов и др., 2012. С. 73–78).

наверняка примешивался иной грунт (включая и глиняную обмазку с обвалившейся крыши), так и потому, что помещение после пожара могло быть сnivelировано остатками сырцовых стен близлежащих построек. Сам же «дом № 6» вполне мог быть как изолированной однокамерной постройкой, подобной раскрытым на Березани «домам колониста», так и заглубленным изолированным помещением многокамерного домохозяйства.

В архаических слоях других городских центров Азиатского Боспора известно лишь несколько полуземлянок, причем бесспорных атрибуций в данном случае, пожалуй, нет. Прямоугольная полуземлянка площадью около 16–17 кв. м, заглубленная в грунт на 0,5–0,6 м, раскрыта на Северо-Западном раскопе Гермонассы. На ее глинобитном полу находилась печь. Постройка сгорела в пожаре конца VI в. до н. э., после чего на том же месте был возведен жилой дом, состоявший из нескольких помещений (Финогенова, 2005. С. 423–424, рис. 1, 1; 2; 2010. С. 512–513, рис. 3). С учетом ограниченной площади, в границах которой были исследованы ранние строительные остатки, трудно быть уверенным в том, что это однокамерное сооружение, а не заглубленное помещение многокомнатного дома. При раскопках городища в пос. Пересыпь («Тирамбы») было частично раскрыто углубление с позднеархаическим материалом, интерпретированное как полуземлянка (Коровина, 1968. С. 55). Тем не менее его сравнительно небольшие размеры (диаметр 1,9 м) и отсутствие столбовых конструкций заставляют в этом усомниться. Наличие отдельного этапа строительства землянок в архаическом Анапском поселении (Синдской гавани) оспаривается, поскольку находки из этих комплексов синхронны материалам из первых наземных домов (Завойкин, 2009. С. 189), а опубликованная реконструкция такого сооружения (Алексеева, 1997. С. 11, рис. 2, 13–14, табл. 14), действительно, более всего напоминает хозяйственную яму.

Таким образом, общее количество ранних землянок, исследованных на территории боспорских городов, к настоящему времени

насчитывает немногим более двух десятков. Значительная часть указанных комплексов раскрыта лишь частично, а достоверная реконструкция планировки и объемного решения этих сооружений во многих случаях невозможна. Работы последних десятилетий скорректировали хронологические рамки ранних фаз существования этих памятников, в результате чего мы имеем довольно разнообразную картину. Предположение Ю. А. Виноградова о наличии во многих центрах «адаптационного периода» примерно равной продолжительности, по видимому, новыми данными не подкрепляется. В Фанагории такого этапа могло не быть вовсе по историческим обстоятельствам основания города. В Пантикапее, с учетом данных последних раскопок, этот период был существенно короче 60–80 лет, а землянки сосуществовали с первыми каменно-сырцовыми домами. В Мирмекии и Тиритаке «земляночный» период также, судя по всему, был менее длительным, чем представлялось ранее. Длительность адаптационного периода на Березани, напротив, могла составить почти столетие — с 640-х по 540-е гг. до н. э. Трудно объяснить последовавший затем быстрый и организованный переход от земляночного поселка к распланированной сети улиц и кварталов внутренними демографическими причинами¹⁴. Очевидно, в этом случае, как и в Фанагории, быстрая урбанизация была обусловлена прибытием новой многочисленной группы колонистов.

Сказанное выше не должно приводить нас к отрицанию самого факта наличия особого периода, на протяжении которого ряд древнейших греческих поселений Северного Причерноморья существовал без выраженной городской структуры, а единственным зафиксированным в ходе раскопок типом жилища являются полуземлянки различной конструкции. Очевидным доказательством тому для нас является Борисфен; вместе с тем,

¹⁴ То есть взрывным ростом населения в третьем поколении переселенцев (Рогов, 1996. С. 83–84; Виноградов, 1999. С. 106–109).

история развития Березанского поселения не может быть механически перенесена на любую современную ему памятник региона. Хотя наличие полуземлянок, каркасно-столбовых и каменно-сырцовых однокамерных сооружений — то есть временных или быстровозводимых типов построек жилого или хозяйственного назначения — по очевидным причинам является характерной чертой начального этапа застройки многих апоийки, выделение их в отдельную фазу в существовании поселения может быть достоверным лишь при исследовании древнейшего строительного горизонта широкими площадями.

Источник традиции сооружений подобных построек на античных памятниках Северного Понта долгое время был предметом дискуссий; следует признать, что эта проблема и сейчас далека от убедительного разрешения. Между тем полуземлянки известны и в Западном Причерноморье: в Истрии и ее округе — на поселении Тариверде (*Timofan*, 2010. Р. 358, pl. 3.6; *Birzescu*, 2012). Их немногочисленность объясняется слабой изученностью ранних строительных периодов Истрии, за исключением архаического теменоса.

В Северо-Западном Причерноморье округлые полуземлянки появляются еще в ранней фазе Гальштата НаА и далее распространились среди различных групп культурного комплекса Басарабь и населения лесостепи раннескифского периода (*Kashuba, Levitski*, 2012. Р. 579–580). Наряду с этим неоднократно указывалось на различия между полуземлянками греческих памятников и жилищами крупных варварских городищ лесостепи: последние отличаются существенно большими размерами и основательностью конструкции (*Бутягин*, 2001). Так, например, круглые землянки Немировского городища раннескифского времени имели диаметр 4,4–6,2 м, их внутренняя площадь достигала 28 кв. м (*Смирнова*, 1998. С. 82–84, 88–91, 97–99; *Кашуба, Вахтина*, 2017. С. 215) — втрое больше сходных по планировке комплексов Березани. Их появление на памятнике также может быть связано с носителями культурного комплекса Басарабь (*Кашуба, Вахтина*, 2014. С. 58–59).

Нельзя ставить знак равенства (ср.: *Буйских С. Б.*, 2005. С. 7) и между круглыми полуземлянками античных центров Северного Причерноморья и различными типами криволинейных построек — апсидальными и овальными в плане сооружениями (в т. ч. глиноплетневыми конструкциями с каменным цоколем или без него), являвшимися одним из распространенных типов греческого жилья геометрического периода и ранней архаики приблизительно до середины VII в. до н. э. (*Mazarakis Ainian*, 2001). Известны примеры использования небольших криволинейных домов и в архаическое время; более того, в Клазоменах зафиксирован временный (на 10–20 лет) возврат к такой строительной традиции в исключительных обстоятельствах — в ходе восстановления жилой застройки после персидского завоевания в 546 г. до н. э. (*Ersou*, 2007. Р. 156–169, fig. 2, 6, 7). Близкой аналогией таким домам может служить апсидная глиноплетневая постройка с Березани.

Полуземлянки, в том числе и круглые, как тип жилища хорошо известны на территории Анатолии с эпохи бронзы и раннего железного века (*Tsetskhladze*, 2004. Р. 267–268; *Görmüş*, 2010. Р. 365–367, 371–373, fig. 1–5). Прямоугольные землянки, напоминающие по своему устройству северопричерноморские «дома колониста», раскрыты в Гордионе в слоях XI в. до н. э.; этот тип жилища снова появляется на том же памятнике и позднее, в ахеменидское время (VI–IV вв. до н. э.). Высказывавшееся предположение о связи таких построек с миграцией фригийцев с Балкан в Анатолию в раннем железном веке пока не имеет достаточных обоснований (*Tsetskhladze*, 2000). Следы круглых, заглубленных в грунт хижин с шатровым перекрытием в античных городах Ионии или на их периферии археологически не фиксировались. Вместе с тем землянки, датируемые последней четвертью VII в. до н. э., совсем недавно раскрыты в Юго-Западном Причерноморье, в ионийской колонии Тиос¹⁵ (*Tsetskhladze*, 2019). Остается

¹⁵ Исследование Министерства культуры и туризма Турции под руководством Ш. Йылдырыма (*Şahin Yıldırım*).

лишь ожидать детальной публикации этих сооружений.

Между тем появляется всё больше свидетельств наличия в ряде центров Великой Греции раннего поселенческого ядра, состоявшего из заглубленных «хижин» криволинейной формы, то есть полуземлянок в «северопричерноморской» терминологии. Следы таких структур к настоящему времени выявлены во многих центрах на Ионическом побережье от Салентинского полуострова до Калабрии: в районе Тарента (поселение Л'Амастуола), в Метапонте и на территории его хоры («греческая» Инкороната), Сирисе (Поликоро), Сибарисе и Кротоне¹⁶. Наличие подобных построек, предшествующих домам прямоугольного плана, а иногда и сосуществующих с ними, нередко трактуется исследователями как свидетельство гетерогенного, «симбиотического» характера этих поселений, в материальной культуре которых сочетались греческие и местные черты (*Burgers, Crielaard, 2007. P. 121*). Существует мнение, согласно которому такие архаические поселения ионического побережья, как Поликоро, «греческая» Инкороната, Л'Аамстуола и ряд других, представляют собой культурно-экономический феномен, явившийся результатом проникновения в местные общины торговцев и ремесленников (главным образом восточнгреческого происхождения) в первой половине VII в. до н. э. Позднее, около 660–630 гг. до н. э., они претерпевают дальнейшие трансформации в ходе освоения этого региона ахейскими и ионийскими переселенцами (*Giardino, 2010. P. 367*).

Стоит отметить, что формы криволинейных заглубленных и прямоугольных каркасно-столбовых жилищ в целом характерны для Южной Италии с эпохи бронзы и до конца VII в. до н. э. (*Bianco, Giardino, 2012. P. 14*). Их размеры и особенности планировки довольно близки архаическим полуземлянкам Северного Причерноморья, хотя и не вполне тождественны. При сопоставимой площади (до 10 кв. м) некоторые наиболее хорошо

сохранившиеся комплексы имеют продолговатую, грушевидную в плане форму, что, вероятно, указывает на расположение входа. Однако известны и объекты иных очертаний — овалных, апсидальных и т. п., причем их форма, по-видимому, не является хронологическим признаком (*Gallo, 2016. P. 283–288, fig. 8*).

Занимающее фактически всю площадь такого криволинейного сооружения углубление (или несколько смыкающихся углублений) некоторые исследователи склонны интерпретировать как погреб для хранения продуктов, который перекрывался деревянным полом: на примере наиболее хорошо сохранившейся «хижины № 1» второй половины VII в. до н. э. в Поликоро это обосновывается наличием столбовых ям по периметру котлована и отсутствием их внутри. Почти все находки из этой полуземлянки относятся к греческим формам керамики (*Bianco, Giardino, 2012. P. 16–17, fig. 10–11*), что позволяет атрибутировать эту «хижину» как жилую или хозяйственную постройку греческого населения (*Gallo, 2016. P. 319–321*). Кроме того, в Поликоро прослеживается определенная преемственность при переходе от «хижин» к каменно-сырцовым городским домам в конце VII в. до н. э., что позволяет предполагать, что эти изменения не были связаны с прибытием новых жителей (*Bianco, Giardino, 2012. P. 26*).

При всей несхожести культурного контекста, окружавшего первых греческих поселенцев в Северо-Западном Причерноморье и в Великой Греции, подобные наблюдения наглядно показывают высокую способность последних к адаптации и заимствованиям при освоении новых территорий и соприкосновении с инокультурной средой. Исследования самых ранних страниц проникновения греков на ионическое побережье показывают и более поразительные примеры гибридизации материальной культуры. Так, предполагаемая совместная работа местных и пришлых греческих (эвбейских) гончаров в одних мастерских с VIII в. до н. э. (*Denti, 2009. P. 126–128; Handberg, Jacobsen, 2011. P. 178; Jacobsen et al., 2015*) привела к возникновению локального эотрийско-эвбейского керамического стиля.

¹⁶ См. обзор литературы: *Handberg, Jacobsen, 2011. P. 176–178*.

Подобные аналогии вполне позволяют рассматривать округлые в плане полуземлянки Северного Причерноморья как результат адаптации греческими поселенцами типов жилищ, не присущих их культуре, в тот начальный период, когда малочисленность и нестабильность состава их коллективов не давала уверенности в будущем апойки и исключала всякую возможность планирования городского центра. Практика использования землянок в качестве жилищ на протяжении столь длительного времени не может объясняться климатическими или сугубо экономическими причинами (Марченко, 2005. С. 56–59). Длительный «земляночный» период Березани, вероятно, следует воспринимать как время существования этого пункта в качестве торгово-промышленного поселка с малочисленным и нестабильным составом

жителей¹⁷, продолжавшееся до его «переосвоения» новой группой колонистов после середины VI в. до н. э. В этом отношении ранний Борисфен уместнее сравнивать с небольшими поселениями (и анклавами в границах местных поселений) ионического побережья VIII — первой половины VII в. до н. э., нежели с такими центрами, как Мегара Гиблея, с первых лет существования имевшими урбанистическую структуру. При таком подходе различия в продолжительности «адаптационного» периода в Великой Греции и Северном Причерноморье (ср.: *Виноградов*, 1999. С. 107–110; 2000. С. 228) не выглядят столь очевидными.

¹⁷ Часть этих людей могла прибывать на Березань сезонно или на время торговых экспедиций.

Алексеева, 1997 — *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 558 с.

Бутягин, 2001 — *Бутягин А. М.* Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // *Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 36–41.

Бутягин, 2004 — *Бутягин А. М.* Дом под мирмекийскими зольниками // *Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 126–131.

Бутягин, 2017 — *Бутягин А. М.* Основание Мирмекия и проблемы колонизации Европейского Боспора // *ТГЭ.* 2017. Вып. LXXXVIII. С. 87–96.

Бутягин, Чистов, 2015 — *Бутягин А. М., Чистов Д. Е.* Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия // XVI БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 29–37.

Буйских А. В., 2005 — *Буйских А. В.* Новая землянка VI в. до н. э. в Ольвии: новый взгляд на старые проблемы // *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы МНК / Отв. ред. В. Ю. Зуев.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 183–186.

Буйских А. В., 2013 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев: Стародавній Світ, 2013. 456 с.

Буйских А. В., 2015 — *Буйских А. В.* Субгеометрический скифос из Борисфена (к вопросу о доколониционных связях в Северном Причерноморье) // *АМА.* 2015. Вып. 17. С. 238–252.

Буйских А. В., 2018 — *Буйских А. В.* Шел второй год 33-й олимпиады // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время.* Вып. 2: Сб. науч. тр., посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов-н/Д, 2018. С. 220–231.

Буйских А. В., 2019 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев: ИА НАН Украины, 2019. 389 с.

Буйських и др., 2020 — *Буйських А. В., Форнасьє Й., Кузьміщев О. Г.* Дослідження ольвійського передмістя у 2019 році // *АДУ.* 2019 (в печати).

- Буйских С. Б.*, 2005 — *Буйских С. Б.* Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья (на примере Нижнего Побужья) // БИ. Вып. IX / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Симферополь: Керченская городская типография, 2005. С. 3–21.
- Буйских С. Б.*, 2006 — *Буйских С. Б.* Ойкос греческой хоры в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // VII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир. Ойкос: Сб. материалов конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2006. С. 29–31.
- Буйских С. Б.*, 2007 — *Буйских С. Б.* К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // Старожитності степового Причорноморья і Криму. Вип. 14 / Отв. ред. П. П. Толочко. Запоріжжя: Запорізький Держуніверситет, 2007. С. 110–125.
- Виноградов*, 1991 — *Виноградов Ю. А.* Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е. А. Молева. Воронеж: Воронежский гос. пед. институт; Белгород: Упринформпечать, 1991. С. 11–19.
- Виноградов*, 1992 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука, 1992. С. 99–119.
- Виноградов*, 1994 — *Виноградов Ю. А.* Еще одна архаическая полуземлянка из Мирмекия // БС. 1994. № 4. С. 59–64.
- Виноградов*, 1999 — *Виноградов Ю. А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 101–115.
- Виноградов*, 2000 — *Виноградов Ю. А.* К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΓΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 222–232.
- Долгоруков*, 1984 — *Долгоруков В. С.* Фанагория // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 77–81.
- Доманский и др.*, 1989 — *Доманский Я. В.*, *Виноградов Ю. А.*, *Соловьёв С. Л.* Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 33–60.
- Доманский, Марченко*, 2007 — *Доманский Я. В.*, *Марченко К. К.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / Под ред. А. Д. Столяра и др. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 22–27.
- Завойкин*, 2009 — *Завойкин А. А.* О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 2009. Т. 13. С. 176–205.
- Завойкин, Толстиков*, 2017 — *Завойкин А. А.*, *Толстиков В. П.* Очерк политической истории Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: Материалы к выставке. М., 2017. С. 47–67.
- Зинько*, 2014 — *Зинько В. Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Симферополь; Керчь: БФ Де-метра, 2014. 592 с. (БИ. 2014. Suppl. 11).
- Кашуба, Вахтина*, 2014 — *Кашуба М. Т.*, *Вахтина М. Ю.* Комплексы землянок раннескифского времени Немировского городища // Феномен Більського городища — 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя вид дня народження видатного українського археолога професора Є. В. Черненка (1934–2007): Збірник матеріалів наукової конференції. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України, Ін-т археології НАН України, 2014. С. 55–60.
- Кашуба, Вахтина*, 2017 — *Кашуба М. Т.*, *Вахтина М. Ю.* Некоторые аспекты изучения материалов раннего железного века из раскопок Немировского городища в Побужье // АВ. 2017. № 23. С. 211–228.
- Копейкина*, 1981 — *Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. 1981. № 1. С. 192–208.
- Коровина*, 1968 — *Коровина А. К.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 54–84.
- Крыжицкий*, 1982 — *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. 164 с.

- Крыжицкий*, 1993 — *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 248 с.
- Крыжицкий, Марченко*, 2011 — *Крыжицкий С. Д., Марченко К. К.* К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах северопричерноморских греков // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 33–36.
- Крыжицкий, Русяева*, 1978 — *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. Вип. 28. С. 3–25.
- Крутилов*, 2007 — *Крутилов В. В.* Железодельная мастерская с сырцовыми стенами на территории теменоса березанского поселения // МАИЭТ. 2007. Suppl. 4. С. 117–126.
- Крутилов, Бондаренко*, 2015 — *Крутилов В. В., Бондаренко Д. В.* Керамические обжигательные печи Борисфена середины VI в. до н. э. (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // OLBIO. In *memoriam V. V. Krapivina*. Київ: Інститут археології НАН України, 2015. С. 205–216.
- Кузнецов*, 1995 — *Кузнецов В. Д.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. № 6. С. 99–126.
- Кузнецов*, 2001 — *Кузнецов В. Д.* Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина / Под ред. С. Л. Соловьёва. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Вып. 1. С. 9–14.
- Кузнецов*, 2010 — *Кузнецов В. Д.* О времени основания Фанагории // ДБ. 2010. Т. 14. С. 313–321.
- Кузнецов*, 2018 — *Кузнецов В. Д.* Домостроительство северного Понта (эпоха архаики) // Материалы по археологии и истории Фанагории. 4 / Под ред. В. Д. Кузнецова и А. А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2018. С. 117–135.
- Кузнецов*, 2019 — *Кузнецов В. Д.* Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 2019. Т. 24. С. 396–414.
- Лалин*, 1961 — *Лалин В. В.* Раскопки поселения на острове Березань в 1960 г. // КСИА АН УССР. 1961. № 11. С. 43–52.
- Марченко*, 2005 — *Марченко К. К.* Глава III. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 42–136.
- Милихина*, 2019 — *Милихина Н. М.* Две архаические землянки из Мирмекия // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 377–381.
- Отрешко, Мазарати*, 2009 — *Отрешко В. М., Мазарати С. Н.* Архаические сооружения Березани // Ольвийские древности: сб. научн. тр. памяти В. М. Отрешко (1949–1999). Киев: Институт археологии НАН Украины, 2009. С. 81–92.
- Рогов*, 1996 — *Рогов Е. Я.* Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 70–84.
- Секерская*, 2013 — *Секерская Н. М.* Никоний // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) / Под ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойловой. Одесса: Одесский археологический музей, 2013. С. 493–522.
- Сенаторов*, 1999 — *Сенаторов С. Н.* О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 60–66.
- Сенаторов*, 2000 — *Сенаторов С. Н.* Кизил-кобинская керамика VIII–VI вв. до н. э. из Нимфея // Таманская старина. Вып. 3. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 85–88.
- Скуднова*, 1954 — *Скуднова В. М.* Скифские памятники из Нимфея // СА. 1954. № 21. С. 306–318.
- Смирнова*, 1998 — *Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 77–121.
- Соловьёв*, 1993 — *Соловьёв С. Л.* О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // ПАВ. 1993. № 3. С. 30–43.
- Соловьёв*, 1994 — *Соловьёв С. Л.* Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. 1994. № 8. С. 85–95.
- Соловьёв*, 2008 — *Соловьёв С. Л.* «Дом колониста» в археологическом контексте архаической Березани // ТГЭ. 2008. Т. ХLI. С. 216–236.

- Суриков, 2015 — Суриков И. Е. Еще раз о «земляночном» периоде в ранней истории греческих колоний Северопричерноморского региона // «С Митридата дует ветер...» Боспор и Причерноморье в античности: К 70-летию В. П. Толстикова / Отв. ред. Д. В. Журавлёв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 75–82.
- Толстикова др., 2003 — Толстиков В. П., Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А. Новая землянка в Пантикапее // IV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Сб. науч. материалов IV Боспорских чтений (Керчь, 20–24 мая 2003 г.) / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2003. С. 259–266.
- Толстиков и др., 2017 — Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикапей. От апонкии — к городу. М.: РФФИ, 2017. 396 с.
- Финогенова, 2005 — Финогенова С. И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. Т. 8. С. 422–442.
- Финогенова, 2010 — Финогенова С. И. Гермонасса // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука, 2010. С. 510–527.
- Форнасье и др., 2017 — Форнасье Й., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г. Новые данные об ольвийском предместье // Північне Причорномор'я за античної доби: на пошану С. Д. Крижицького. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 33–44.
- Худяк, 1962 — Худяк М. М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 63 с.
- Чистов, 2017а — Чистов Д. Е. Землянки архаической Березани // Північне Причорномор'я за античної доби: на пошану С. Д. Крижицького. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 127–144.
- Чистов, 2017б — Чистов Д. Е. Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI — первой половины V в. до н. э. // АВ. 2017. Вып. 23. С. 132–152.
- Чистов, Ильина, 2017 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2015 году // АСГЭ. 2017. Вып. 41. С. 177–216.
- Чистов и др., 2012 — Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг.: Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 297 с.
- Чистов и др., 2019 — Чистов Д. Е., Моныхов С. Ю., Кузнецова Е. В. Амфоры первой половины — середины VI в. до н. э. из раскопок Березани // ПИФК. 2019. № 1. С. 8–24.
- Bianco, Giardino, 2012 — Bianco S., Giardino L. Forme e processi di urbanizzazione e di territorializzazione nella fascia costiera ionica tra i fiumi Sinni e Basento // Alle origini della Magna Grecia. Mobilità, migrazioni, fondazioni. Atti L Convegno Studi sulla Magna Grecia. Taranto, 2010. Taranto: Istituto per la storia e l'archeologia della Magna Grecia, 2012. P. 609–641.
- Bîrzescu, 2012 — Bîrzescu I. Die archaische Siedlung von Tariverde // Dacia. 2012. Vol. LVI. S. 77–90.
- Bujskikh, 2015 — Bujskikh A. V. The Southern Temenos in Pontic Olbia (Preliminary Results of the Investigation) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2015. Vol. 21. P. 222–250.
- Bujskikh, 2017 — Bujskikh A. V. From dugouts to houses: urban development in late archaic Olbia Pontic // Caiete ARA. Vol. 8. Bucharest, 2017. P. 5–16.
- Burgers, Crielaard, 2007 — Burgers G.-J., Crielaard J. P. Greek Colonists and Indigenous Populations at L'Amastuola, Southern Italy // Bulletin Antieke Beschaving. Leuven. 2007. Vol. 82, Issue 1. P. 77–114.
- Butjagin, 1998 — Butjagin A. M. Archaic dug-outs at Nymphaion // Archeologia. 1998. Vol. XLVIII. P. 61–70.
- Butjagin, 2007 — Butjagin A. M. Archaic Myrmekion // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC. 2007. P. 22–25 (BAR. International Series 1729).
- Chistov, 2019 — Chistov D. Investigations on Berезan Island in 2014–2018 (Hermitage Museum Archaeological Expedition) // Hyperboreus. 2019. Vol. 25, fasc. 1. P. 97–106.
- Chistov, Pavlichenko, 2019 — Chistov D., Pavlichenko N. Lead letter from the excavations of area “O-Western” at the Berезan settlement in 2017 // Hyperboreus. 2019. Vol. 25, fasc. 2. P. 259–277.
- Denti, 2009 — Denti M. Un contesto produttivo enotrio della prima metà del VII secolo a.C. all'Incoronata // Prima delle Colonie.

- Organizzazione territoriale e produzioni ceramiche specializzate in Basilicata e in Calabria settentrionale ionica nella prima età del ferro / Eds. M. Osanna, M. Betelli, C. De Faveri. Venosa: Osanna edizioni, 2009. P. 111–138.
- Ersoy*, 2007 — *Ersoy Y.* Notes on History and Archaeology of Early Clazomenae // *Milesische Forschungen*. 2007. Bd. 5. P. 149–178.
- Gallo*, 2016 — *Gallo S.* La capanna protoarcaica N. 1 sulla terrazza meridionale di Policoro (MT). Studio dei materiali e considerazioni sulla struttura // *Epigrafia e territorio Politica e società. Temi di antichità romane*. 2016. Vol. X. P. 277–327.
- Giardino*, 2010 — *Giardino L.* Forme abitative indigene alla periferia delle colonie greche. Il caso di Policoro // *Greco et Indigene de la Catalogne à la mer Noire, Actes des rencontres du programme européen Ramses 2 (2006–2008)* / Ed. H. Tréziny. Paris: Errance, Centre Camille Jullian, 2010. P. 349–369.
- Görmüş*, 2010 — *Görmüş A.* New Approaches for Interpretation of Eastern Anatolian Early Iron Age Pits: Semi-Subterranean Cooking Facilities from Salat Tepe // *Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. May, 5th–10th, 2008. Vol. 3 / Eds. P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro ve N. Marchetti. Wiesbaden: Harrasowitz, 2010. P. 365–373.
- Handberg, Jacobsen*, 2011 — *Handberg S., Jacobsen J. K.* Greek or Indigenous? From Potsherd to Identity in Early Colonial Encounters // *Communicating Identity in Italic Iron Age Communities* / Eds. M. Gleba, H. Horsnaes. Oxford: Oxbow books, 2011. P. 175–194.
- Jacobsen et al.*, 2015 — *Jacobsen J. K., Colelli C., Mitrica G., Handberg S.* Pottery workshop organization and transformation at the archaeological site of Timpone Della Motta between 800 and 650 BC: a case study from Northern Calabria, Southern Italy // *Keramos. Ceramics: A Cultural Approach: Proceedings of the First International Conference at Ege University, May 9–13, 2011, İzmir*. Ankara: Bilgin Kultur Sanat, 2015. P. 158–165.
- Kashuba, Levitski*, 2012 — *Kashuba M., Levitski O.* The Hallstatt house-building techniques of the Carpathian-Danube region and the emergence of circular pit-houses in the Early Scythian period in North-West Pontic // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae* / Ed. W. Blajer. Kraków: Wydawnictwo Profil-Archeo, 2012. P. 573–582.
- Kuznetsov*, 1999 — *Kuznetsov V. D.* Early Types of Greek Dwelling Houses in the North Black Sea // *Ancient Greeks West and East* / Ed. G. R. Tsetskhladze. Leiden: Brill, 1999. P. 531–564.
- Mazarakis Ainian*, 2001 — *Mazarakis Ainian A.* From Huts to Houses in Early Iron Age Greece // *From Huts to Houses. Transformations of Ancient Societies, International Seminar, Rome Sept. 22–25, 1997* / Eds. L. Karlson, R. Brant. Uppsala: Paul Astroms, 2001. P. 139–161.
- Solovyov*, 1999 — *Solovyov S. L.* Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea. Leiden: Brill, 1999. 148 p. (*Colloquia Pontica*. Vol. 4).
- Timofan*, 2010 — *Timofan A.* Archaic Domestic Architecture and Construction Techniques on the Western Plateau of Histria. A Synthesis of Building Activity in the Black Sea Area (7th–6th centuries BC) // *Antiquitas Istro-Pontica. Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne offerts à Alexandru Suceveanu* / Eds. A. Angelescu et al. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2010. P. 355–365.
- Tsetskhladze*, 2000 — *Tsetskhladze G. R.* Note on semi-pithouses and handmade pottery from Gordion // *Civilisation grecque et cultures antiques périphériques* / Eds. A. Avram, M. Babes. Bucarest: Editura enciclopedică, 2000. P. 165–170.
- Tsetskhladze*, 2004 — *Tsetskhladze G.* On the Earliest Greek Colonial Architecture in the Pontus, Pontus and the Outside World. *Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology* // *Colloquia Pontica 9. Monograph Supplement of Ancient West and East*. Leiden: Brill, 2004. P. 225–278.
- Tsetskhladze*, 2019 — *Tsetskhladze G. R.* Once again about the Establishment Date of Some Greek Colonies around the Black Sea // *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity. Select papers from the third international conference “The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast”, 27–29 October 2017, Tekkeköy, Samsun* / Eds. G. R. Tsetskhladze, S. Atasoy. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 1–42.

Dugouts, huts, houses: notes on early days of Greek urbanization of the Northern Black Sea Coastal Region

D. E. Chistov

Works of Yu. A. Vinogradov with a number of researches from the one side and V. D. Kuznetsov from the other, reflected two different approaches to the problem of the earliest period of existence of city centres of the Northern Black Sea Coastal Region of Archaic period which preceded their mass urbanization. According to the first approach, there had been a long adaptation period before an active development of city structures of ancient centers of the Northern Pontus begun. This adaptation period lasted about 60–80 years. During this period these centers were rural settlements and the main type of housing was different dug in structures like the dugouts. The opposite approach denies the very possibility of usage of such buildings as dwellings by the Greeks. It casts doubt on the existence of a “dugout” period in the history of colonies of the Northern Black Sea Coastal Region. The example of the Berezan settlement where almost 240 semi-dugouts of the late 7th — the first half of the 6th century BC have been investigated thus far, proves that such period of spatial development of some centers undoubtedly took place. But still the history of the development of the Berezan settlement cannot be mechanically transferred to any site of the same age in the region. The level of knowledge of archaic layers and the number of discovered structures of dugout type is incomparable. Berezan and Olbia have hundreds of dugouts and total amount of early dugouts investigated at the city-sites of Bosphorus thus far is a little more than two dozens. The assumption that there are approximately equal durations in many centers of the pre-urban period is apparently not supported by new data.

Roundish semi-dugouts of the Northern Black Sea Coastal Region can be seen as a result of adaptation of types of dwellings by Greek settlers. These types of dwellings were extrinsic to the Greek culture. Greeks adapted them at the early period when small number and instability of the composition of their collectives did not give confidence in the future of apoikia and excluded any possibility of planning of city center. Long “dugout” period at Berezan was possibly the time when this location was an industrial and commercial settlement with small and unstable population which lasted to its “refounding” by a new group of colonists after the middle of the 6th century BC.